

Кир Булычев

Мой пес Полкан

*Часть сборника
Монументы Марса (сборник)*

Кир Булычев
Мой пес Полкан

«ЭКСМО»

1994

Булычев К.

Мой пес Полкан / К. Булычев — «Эксмо», 1994

ISBN 5-699-18314-0

«Никто из взрослых не должен был знать. Иначе нас бы не пустили. Ведь немало ребят пострадало на этом. Кольку Звягина вообще убили. Они же не люди, к ним в руки не попадай. Даже не крестятся. Одно слово – столичники. Мы пошли втроем. Эдик Брюхой – он хоть и высокий, взрослый, но, как муха, по любой стене влезет. А так – псих. И Светка Геворкян. Только Геворкян не ее фамилия, а приемная. А потом, когда и Геворкяна убили, она все равно Геворкян осталась...»

ISBN 5-699-18314-0

© Булычев К., 1994

© Эксмо, 1994

Кир Булычев

Мой пес Полкан

Никто из взрослых не должен был знать. Иначе нас бы не пустили. Ведь немало ребят пострадало на этом. Кольку Звягина вообще убили. Они же не люди, к ним в руки не попадай. Даже не крестятся. Одно слово – столичники.

Мы пошли втроем. Эдик Брюхой – он хоть и высокий, взрослый, но, как муха, по любой стене влезет. А так – псих. И Светка Геворкян. Только Геворкян не ее фамилия, а приемная. А потом, когда и Геворкяна убили, она все равно Геворкян осталась. Она может любой замок открыть. Наконец, я. Меня позвали, потому что меня любят животные. У каждого свой талант. У меня талант к животным, потому что я их люблю.

Эти столичники живут далеко в тылу. Они – торгаши проклятые. Их наша борьба за счастье человечества не колышет. Они жрут мясо и куриц. Даже охрана у них татарская, сами не хотят рисковать. Глухой говорил, что раньше в столице много людей было. И все подлецы, столицы нет, а они, как Светка Геворкян, со старой фамилией. Смешно.

Мне иногда странно и противно, какое право имеют жить на свете люди, лишённые высоких идеалов. Не готовые пожертвовать своей жизнью ради их достижения. Я с детства так воспитан. Я готов пожертвовать жизнью ради счастья человечества. А чем могут похвастаться эти столичники? Или армяне, которые живут за Клязьмой? Ну ладно, с армянами у нас более-менее мир, хотя и у них совсем нет идеалов.

Мы пошли вечером, в полнолуние, чтобы лучше видеть дорогу. Веревки, намордники, всякое добро взяли в клубе. А ножи у нас свои. Нам, считай, повезло. Кто-то забыл в клубе именно столько веревок и всяких вещей, которые нам понадобятся. И не запер клуб на ночь. Я сказал об этом Эдику, а он мне отвесил подзатыльник. А Светка Геворкян, которая младше Эдика, начала смеяться. Эдик и ей врезал, потому что надо было соблюдать полную тишину и тайну, иначе кто-нибудь из взрослых увидит нас, а потом выпорют на площади. Но мы считали, что не только у взрослых есть высокие идеалы, а у нас, подростков, тоже есть высокие идеалы. Вот мы и пошли.

Мы подошли к концу поселка. Здесь надо быть особенно осторожными, пока будем пролезать сквозь лаз, сделанный давно, еще октябрятами, и до сих пор не раскрытый пограничниками, нас легко могут заметить – и тогда даже страшно подумать, что с нами сделают!

Но нам опять повезло. У ворот никого не было, и сами ворота были приоткрыты.

Мы стояли и смотрели, не в силах поверить своему счастью.

– Пошли, – сказал наконец Эдик.

– А пограничники где? – спросил я глупым голосом.

– А пограничники в префектуре на свадьбе гуляют, – сказала Геворкян. – Пригласили их, значит, и гуляют.

– А ты раньше знала? – спросил я.

– Нет, раньше я не знала, а то бы сказала.

– И ты не знал? – спросил я у Эдика.

Он даже разозлился:

– Ты чего, допрашивать сюда пришел? Вот будешь служить в комендатуре, тогда и допрашивай.

Не нравились мне эти открытые ворота. Ворота надо охранять. Нас с детского сада учили: «Граница на замке!»

А тут – ушли на свадьбу и замок с собой взяли.

Я прислушался – издали доносилась музыка. И вроде бы пели.

Эдик первым пошел. Он старший, так и надо.

Потом Светланка. Я, как младший, – последним. Я тыл прикрывал.

У меня было ощущение – я кожей чувал, что за нами следят. От сторожки или из траншеи. И сейчас влепят нам по пуле в зад... Тут мои нервы не выдержали. Я крикнул – сам не знаю, как это получилось, но я крикнул:

– Ложись!

И сам не лег, а побежал вперед. И другие побежали. А сзади началась стрельба. Будто они сидели в засаде, ждали, что мы сделаем, а потом спохватились.

Мы добежали до черемухи.

Трассирующие пули свистели высоко над головами. Мы забились в глубь кустарника и затаились, пока не прекратилась стрельба. Но стрельба не прекращалась – с другой стороны тоже ответили. Затягвали градобойные орудия. Мы лежали на траве, и Эдик меня ругал. Только я не понимал, чего он меня ругает.

– Они все равно нас подстергали, – говорил я. – Если бы мы не побежали, они бы нас как суликов перестреляли. А мы побежали, вот они и не успели.

– С чего ты взял, что они хотели стрелять? – спросила Светка. – А может, они и не хотели. – Она сжалась в комок, на коленки натянула мешковину – только вороний нос наружу.

– Не говори глупостей, – прошипел Эдик. – Конечно же, они хотели, но нам надо было еще пройти немного, а потом бы мы побежали – я так хотел приказать.

– Вот бы и приказывал.

Мы лежали на земле, земля была холодная. Трава только пробивалась, листья на черемуховых кустах были маленькие и зеленые, как клопы-мутанты. Когда здесь распустятся цветы, то с обеих сторон по ночам сюда будут ползать охотники за цветами. Хоть жизнь и сволочная, но все равно некоторым людям хочется цветов, и они готовы за них платить, а некоторые своим женщинам носят. Только многие на этой операции погибали. Потому что снайперы с обеих сторон за ними охотились. Иногда смешно бывает: мужик нарвал букет, ползет к своим, улыбается, доволен. Тут его наш снайпер возьмет и пристрелит. Он корежится на ничейной полосе, а цветы уже ему не нужны. Такая вот философия, как говорил мой сосед Раушенбах, старший мусорщик.

Набежали облака, они закрывали луну, которая поднялась уже высоко. Нам надо было взять правее – прямая дорога была совсем открытой и простреливалась. Ее использовали только тогда, когда проходили официальные делегации или торговые караваны. С пропусками. А нас кто будет охранять? Нас пристрелят и оставят вонять.

Мы спустились в ложбину, кое-где под ногами скрипели ржавые консервные банки и сучья, а то шелестела бумага – но все достойное из этой помойки давно уже выгребли. Так что можно было даже не глядеть под ноги.

Столичники тоже знали об этой ложбине, но редко сюда ходили, потому что в ней высокая радиация. То ли со свалки, то ли какой осколок залетел от Братской войны, когда славяне штурмовали Старый вал и скинули туда сами знаете что. Но мы быстро пробежали – если быстро бежишь, радиация не успеет приклеиться.

Там дальше, перед самым их забором, небольшой пруд – или большая лужа, как хочешь, так и называй. Но нам в нее соваться нельзя – там вода отравленная. Один парень из нашего класса туда попал, по пояс, я его в больнице навещал – кожи за волдырями не видно, ему ноги отрезали, но он все равно помер. Эти столичники про лужу знают, еще бы не знать – они от нее бетонными плитами в три этажа отгородились. Вот в этом и была наша хитрость. Надо было пройти по самому краю лужи, а потом взобраться на стену из бетонных глыб – ее-то никто не охранял. Мы все правильно рассчитали, ведь дождей уже месяц как не было, уровень воды в луже на метр упал – ходи вокруг не хочу. А ведь эти столичники тупые – что им стоит через стенку поглядеть – нет, сидят в тепле, пятки чешут.

Мы пробежали, пригибаясь, вокруг лужи. Несло от нее отвратно.

У Эдика веревка с собой – он вскарабкался на стену, веревку укрепил наверху и исчез. Я Светку посадил, а потом сам за ней полез.

На гребне стены я задержался – рискнул. Мне всегда любопытно смотреть на другие страны. Хоть и в темноте.

У столичников всего больше, чем у нас, – в этом главная несправедливость. У них и дома есть, старые еще, довоенные, в которых жить можно. Строить ничего не надо. И людей у них больше – всего у этих сволочей больше! Понимаете, как это плохо, когда у одного есть все: и жилье, и хлеб, – а они еще измываются над животными, а мы рядом – голодные, в школу не в чем ходить, но терпим и верим в светлое будущее. Не то что некоторые.

Я смотрел сверху вдаль и при свете луны видел деревья, заборы, дороги и настоящие каменные дома вдали. Кое-где в окнах даже горел свет – они могут ночью зажигать свет! Нам приходится создавать мобильные бригады экономии, чтобы выявлять тех, кто зажигает свет – отнимать у них свечи или лампы, – потому что свет нужнее в школе и в больнице.

– Эй! – шепотом крикнул снизу Эдик. – Ты хочешь всех сюда приманить? Чего высунулся?

Я не стал объяснять, потому что Эдик – человек не очень интересный. Он физически развитый, но умственно ему еще надо развиваться.

Я спрыгнул со стенки. Светка сидела на земле, терла ногу. Черные тугие, кольцами волосы блестели под луной.

– Не растянула? – спросил я.

– Нет, – сказала она, – только ушибла.

– А то смотри, – сказал Эдик, – мы тебя обратно сейчас можем перебросить. Потом поздно будет.

– Ничего, – сказала Светка, – потерплю. – Она – человек сознательный, настоящая скаутка. Если решила остаться – значит, не предаст.

Мы пошли к их городу, перебегая от дерева к дереву, замирая перед прогалинами, пугаясь совиного крика и таясь за углами развалин. Мы вовремя услышали, как идет пограничный патруль, и залегли. Они нас не заметили.

Видеть мне их было страшно и неприятно. Как тараканов. Это мы, бедные, одеваемся кто во что придется, а у их пограничников одинаковая форма, зеленые мундиры, зла не хватает, да еще красные звезды на фуражках.

Если бы сам столько раз не видел, никогда бы не поверил. Вот на кого мы, юные скауты, поднимаем кулаки!

Светка затаилась, как мышка, и часто дышала. Другая бы никогда на такое дело не пошла. А она пошла. Вчера мы у нас во дворе сидели, а Александр Митрофанович вспоминал, как сам на такое дело ходил, еще лет двадцать назад. Он и подсказал: «Если бы я сейчас пошел, обязательно бы Светку взял, армяночку. У нее не руки, а отвертки – любой замок ногтем возьмет, феномен природы». Александр Митрофанович сказал нам, что в его время такие походы, как он сказал – набеги, к столичникам, тоже строго запрещались. Ведь наше руководство свято ценит каждого человека. Недаром нас в школе учили, что все военные победы не стоят и слезы ребенка, как писал Достоевский. Но ведь взрослым не пробраться в самое сердце страны столичников, не проникнуть в питомник – его так охраняют! А мы, мальчишки и девчонки, можем. И мы хотим принести пользу взрослым, своему поселку, своей небольшой демократической стране, окруженной тоталитарными режимами. И если мы можем выполнить гуманитарную акцию, это хорошая традиция. Я уж сейчас не помню, какие слова говорил Александр Митрофанович, а какие мы. Мы чувствовали себя с ним равными, хотя он – член поселкового совета, усы свисают ниже подбородка, и притом он начальник пограничников. Бывают такие искренние разговоры! Он нам по секрету посоветовал идти во время второй стражи, сказал,

что тогда пограничники не так внимательны. Как будто сам не был пограничником. Но мне было понятно: ведь с нами он снова стал подростком, отважным разведчиком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.